

ЗОЛОТОЙ ФОНД
ЭЗОТЕРИКИ

КОНКОРДИЯ АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ II

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни. Часть II / Конкордия Антарова. — Москва : Эксмо, 2024. — 608 с. — (Золотой фонд эзотерики).

ISBN 978-5-699-93178-1

Каждый том этого романа можно рассматривать как самостоятельное произведение. В этом романе есть все — захватывающий сюжет, интрига, мелодрама, мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования. Но помимо всего, тут есть нечто, что превращает его в подлинный источник духовной мудрости Востока, а именно — изложение основ философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека.

Приключения героев второй части романа К. Антаровой вновь связаны с борьбой добра и зла, а также поисками нелегких путей к самопостижению. Захватывающая интрига романа разворачивается на фоне семейной драмы одного из аристократических домов Лондона. Молодой талантливый лорд попадает в сети коварной обольстительницы; после женитьбы его мечты об артистической карьере рушатся, а сам он, будучи воплощением добра, тем не менее всю жизнь несет на себе ярмо зла, поселившегося в его собственном доме...

Как и первый том романа, эта книга читается на одном дыхании и станет лучшим подарком ценителям подлинных нравственных ценностей и бессмертной мудрости Востока.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миланова А., комментарии, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-699-93178-1

Содержание

Глава 1.	БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ В ЛОНДОН И ИХ СВАДЬБА	7
Глава 2.	О ЧЕМ МОЛИЛСЯ ПАСТОР. ВОСПОМИНАНИЯ ДЖЕННИ	70
Глава 3.	ПИСЬМА ДЖЕННИ, ЕЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ И ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА	88
Глава 4.	ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В СЕМЬЕ ГРАФА Т. НА БАЛКОНЕ У НАЛЬ	105
Глава 5.	СКАЧКИ	125
Глава 6.	БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПАСТОРА. ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ	142
Глава 7.	БОЛЕЗНЬ АЛИСЫ. ПИСЬМО ФЛОРЕНТИЙЦА К ДЖЕННИ. ВОСПОМИНАНИЯ НИКОЛАЯ.	178
Глава 8.	ЧТЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ В ДОМЕ ПАСТОРА.	202
Глава 9.	ВТОРОЕ ПИСЬМО ЛОРДА БЕНЕДИКТА К ДЖЕННИ. ТЕНДЛЬ В ГОСТЯХ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА	221
Глава 10.	МИСТЕР ТЕНДЛЬ ДЕРЖИТ СЛОВО. ГЕНРИ ОБЕРСВОУД	244
Глава 11.	ГЕНРИ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. ПРИЕЗД КАПИТАНА РЕТЕДЛИ. ПОРУЧЕНИЕ ЛОРДА БЕНЕДИКТА	276
Глава 12.	ДОРИЯ, КАПИТАН И МИСТЕР ТЕНДЛЬ В ЛОНДОНЕ	318

Глава 13. ЛЕДИ ЦЕЦИЛИЯ РЕТЕДЛИ В ДЕРЕВНЕ У ЛОРДА БЕНЕДИКТА	344
Глава 14. ДЖЕЙМС РЕТЕДЛИ И ЛИЗА У ЛОРДА БЕНЕДИКТА	358
Глава 15. ДЖЕННИ И ЕЕ ЖЕНИХ. СВАДЬБА ДЖЕННИ	391
Глава 16. СУДЕБНАЯ КОНТОРА. MARTIN И КНЯЗЬ СЕНЖЕР.	430
Глава 17. МАТЬ И ДОЧЬ. ДЖЕЙМС И АНАНДА. АНАНДА И ПАСТОРША. ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ НИКОЛАЯ И ДОРИИ	453
Глава 18. ВЕЧЕР У ЛОРДА БЕНЕДИКТА. СВАДЬБА ЛИЗЫ И КАПИТАНА	484
Глава 19. ЖИЗНЬ ДЖЕННИ И ЕЕ ПОПЫТКИ УВИДЕТЬСЯ С МАТЕРЬЮ И СЕСТРОЙ	507
Глава 20. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛОРДА БЕНЕДИКТА И ЕГО ДРУЗЕЙ В ЛОНДОНЕ. ТЕНДЛЬ. ИСПОВЕДЬ И СМЕРТЬ MARTINA. ЕЩЁ РАЗ МУЗЫКА. ПРОЩАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ.	529
Глава 21. ДЖЕННИ И ЕЕ ВСТРЕЧА С СЭРОМ УОМИ	555
КОММЕНТАРИИ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РОМАНА К.Е. АНТАРОВОЙ «ДВЕ ЖИЗНИ»	578

Глава 1

БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ В ЛОНДОН И ИХ СВАДЬБА

Наль спешно покинула сад возле дома ее дяди Али Мохаммеда, и в сопровождении двух слуг, одним из которых был ее двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда еще не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдет. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, ее подавляли гаремные традиции, а с другой, она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым ее, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование ее старой тетки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переоделась в костюм, приготовленный для нее дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блеснули слезы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал — так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жены капитану Т. — значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создает тебе другую

жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нем не напоминало маски того полумертвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подает капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфельек Наль в руки, завернувшись в ее покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев ее в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как ее выдают ее косы, Наль не дала изумленному капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав ее еще в легкий шелковый плащ сверху, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

— Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, — шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

— Перейдем на английский язык, Наль. Теперь вы — жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль, — и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавляюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — достаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришел посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придет ее проводить. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у нее было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у нее сонница, — сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошел в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: — Оставайтесь

до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнете у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе — как это делал уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Все ее поражало. Дяде пришлось объяснять ей все устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга.

— А как туда доедем?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем ехать морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придется капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, — смеялся дядя. — Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе привыкнуть со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переодеешься и ложишься спать.

— Нет, дядя, спать невыносимо. Я могу лечь, если ты пожелаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окруженного виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — лукаво улыбаясь, шепотом сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колес — все молодости нипочем.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль все спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо закрыл щелку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный луч, и снова сел на свое место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Черные длинные ресницы бросали тень на розовые щеки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Еще вчера он считал невозможным не только быть соединенным брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от нее. А сегодня он едет с нею, получив ее из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя ее перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несет ответственность за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль в жены, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, — продолжал свои мысли капитан, — выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — проснувшись, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я все время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорченно сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей

жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюбленных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гример я хороший. Но критиковать вашу прическу — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку — не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

— Как же это все постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьезностью спросила Наль.

— Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдете, среди уложенных вам в дорогу вещей, какие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается все самое драгоценное, — ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

— Ну вот, я готова, — услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы ее были гладко причесаны на пробор и уложены вкрутку головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетенных в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль все время пробовать рукой, на месте ли ее косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив ее, что все в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать ее в коридоре.

Мысли о Левушке — до сих пор его единственном близком спутнике жизни и путешествий — пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира. Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в ее купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчет этой стороны дела, все подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия приходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и все окружающее перестало ее удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней,

доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряженные мысли на ее лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что ее лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шепотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

— Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи — это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы еще увидите много народов и всех красот, ими созданных, познакомитесь с их жизнью и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать все сразу. Сейчас помните только, что вы — знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул ее дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он рассказывал бы мне обо всем и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

— Упрек ваш мне тяжел, Наль. Особенно тяжел потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены,

которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, — подошел к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. — Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, — кидая восхищенный взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. — Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а мое место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в течение всего нашего пути, — ответил, снова галантно кланяясь Наль, капитан парохода.

— Как же мы с вами поедem вместе в одной комнате, капитан Т.? — подавляя волнение, сказала Наль.

— Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы еще не знаете, как будете выносить качку, ваш дядя ее переносит плохо. Если окажется, что вы плохо переносите качку, то будет лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

— Мне очень страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? — тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

— Нельзя, немислимо быть такой прекрасной, Наль. И я даже не могу сердиться на этих людей, которые — от матросов до капитана и от юношей до стариков — как ошалелые смотрят на вас. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как я это делаю сейчас, я бы вел себя точно так же. А потому не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

— Услышать это от вас сейчас — большая поддержка для меня. Мне так много пришлось передумать за эти дни. У нас